

— 9-го февраля умер Андропов.

— За всё своё недолгое правление он почти не появлялся на людях. Ходили слухи, что он тяжело болен. Оказалось, что уже с февраля прошлого года он жил прикованным к аппарату "искусственная почка". Внешность его мне никогда не нравилась: что-то хищное, ястребиное и брезгливое в то же время виделось мне в выражении его лица на портретах. Но он считался "интеллектуалом", в сравнении с другими членами Политбюро, может, он и был им. Во всяком случае он не страдал косноязычием и не мучался над бумажками, спотыкаясь как Брежнев или Черненко. Люде Лебле он казался очень даже симпатичным человеком.

— Его деятельность ознаменовалась кампаниями за дисциплину и удобные для трудящихся распорядки дня обслуживающих учреждений. О дисциплине говорили везде и всюду. В Москве (и вроде бы не только в Москве) дюжие молодцы устраивали в рабочее время облавы в универсамах и местах развлечений, проверяли документы, выясняли, а не должен ли ты быть в это время на работе, и если да, то почему здесь, составлялся акт, который отправлялся на работу. Впрочем, вскоре это дело прекратили, то ли как бесполезное, то ли как перегиб - в ответ на жалобы трудящихся.

— Некоторые учреждения бытового обслуживания изменили свои часы работы, но отнюдь не все, да и часть изменивших потом снова вернулась к старому режиму работы, здесь кампания заглохла гораздо быстрее, чем в случае с дисциплиной. Главное же, что ставилось в заслугу Андропову, - это чистка в милиции, где расцветали махровая коррупция и взяточничество, особенно в сферах БХСС и ГАИ. Было заведено множество дел о крупных хищениях с участием достаточно высокопоставленных лиц (на уровне, скажем, областных руководителей и работников министерств).

— У нас в Калининградской области на этой волне залетел руководитель областной "Сельхозтехники", наворовавший якобы на сотни тысяч; такие цифры украденного у государства нередко стали появляться в печати, хотя о "миллионерах" пока умалчивали. При Андропове появилась "Андроповка" - водка по 4р 70к - впервые после непрерывного роста цен поллитровая бутылка стала стоить меньше пяти рублей.

— В области внешней политики при Андропове был сбит южнокорейский пассажирский "Боинг" и прерваны переговоры с американцами об евrorакетах. Но это было уже осенью, когда Андропов скорее всего был уже настолько плох, что вряд ли играл существенную роль в принятии решений. И опять встаёт вопрос - кто же их тогда принимал?

— И вот Андропов умер. Кто знает, будь он жив и здоров, может, что-нибудь и иначе пошло бы. А так теперь нами правит бывший батрак и пропагандист, человек без специального образования и особых заслуг перед государством, войну благополучно просидевший в Красноярске, явный астматик, но в остальном на вид здоровый для своих лет мужик, сибиряк. Кто за ним?

— В последний мой январский выезд в ИЗМИРАН на секцию по ионосфере и распространению радиоволн я обратил внимание на объявление о том, что через неделю на заседании секции солнечно-земной физики (бывшей жулинской, возглавляемой теперь Луговенко) состоится обсуждение докторской диссертации А.Г. Колесника "Самосогласованная модель ионосферы". Ого! Вышел на секцию уже Толик. А название-то! В Мишином духе. Обошёл, значит, Власова. У них было много совместных результатов, на которых собирался защищаться Миша, а защищается теперь Толик. Интересно было бы послушать и диссертацию посмотреть, но оставаться здесь на неделю только ради этого не хотелось.

— Я стал спрашивать Ситнова и Дёминова о том, как проходило предварительное рассмотрение диссертации. Оказывается, Колесник выступал на семинаре отдела Синельникова, в который входит теперь лаборатория Фаткуллина, Марс давал ему

внутренний отзыв. На семинаре этом из их лаборатории (зевакинской) практически никого не было, Ситнов только ненадолго забежал, так что про работу они ничего толком сказать не могут, хотя докторский уровень в ней, по-видимому, есть.

— Я сказал, что меня ошеломило название, которое несомненно чересчур громкое и сути работы вряд ли соответствует, ибо слово "самосогласованная" без оговорок можно отнести лишь к той идеальной модели, которую нашей науке предстоит создавать ещё долгие годы, а тут можно подумать, что автор такую модель уже создал. В стиле Миши Власова, который уже пострадал отчасти из-за громкословия.

— И тут в разговор энергично встряла Лариса Абрамовна Юдович, присутствовавшая поблизости (всё это происходило в корпусе, где лаборатория Зевакиной находится).

— Лопухи, вы, лопухи! Колесник прёт как танк под ручку с Марсом, а вы глазами и ушами хлопаете. Вы что, не видите, что они с Марсом лучшими друзьями стали? У них такая компания собирается - Марс, Дробжев - он ведь уже директором института в Алма-Ате стал, Хантадзе с ними заигрывает, ему в член-корры хочется, теперь Колесник в доктора выходит, потом Латышев! И Марс там, разумеется, верховодит, они ему нужны для опоры, сам-то он наукой не занимается, а им он помогает кому в доктора, кому в директора пролезть, друг другу отзывы пишут. Эта компания, глядишь, скоро всех в ионосфере задавит. Вон Колесник трудяге Новикову защититься не даёт у себя в Томске только потому, что Марс его подзуживает - Новиков от него ушёл, не захотел с ним работать, так Марс ему этого простить не может. Колесника надо останавливать, потому что он становится правой рукой Марса, я это давно уже Данилову говорю, а он, дурак старый, не слушает, - подвела итог своему горячему выступлению Лариса Абрамовна.

— Так что же вы на семинаре не выступали и не ходили даже его слушать?

Останавливать-то по делу надо, по работе, недостатки искать, если они есть, и выступать по существу.

— Недостатки-то всегда найти можно, тем более в докторской, было бы желание. Да только кто нас, кандидатов несчастных, слушать будет? Нужно авторитетное мнение специалистов в этой области, твоё, Саша, в первую очередь.

— Я работы Колесника в целом знаю достаточно хорошо и думаю, что он докторскую заслуживает. Смущает, правда, название диссертации и странно, что он не захотел у нас выступить, не сообщил нам о выступлениях в ИЗМИРАНе, ведь мы ближе кого угодно к профилю его работ, практически тем же занимаемся. Вы его об этом спросите, когда будет на секции выступать. Может, его ещё к нам удастся направить. Мне бы, конечно, очень хотелось его работу не просто даже посмотреть, а изучить как следует, в ней должно быть много для нас интересного и полезного. Я бы и послушать его остался, да билет уже взял обратный, и дела срочные дома есть.

— На том наш разговор и закончился в тот раз. А через неделю звонит мне в кирху по телефону из Москвы Ситнов.

— Саша, Мигулин направляет диссертацию Колесника к вам на рассмотрение, на ваш семинар, а на секцию его пока не выпустил.

— Ты его, что ли, надоумил?

— Неважно. Колесник тебе, наверное, сейчас сам позвонит. Так вот, вы там не торопитесь шибко, не спешите, внимательно изучите работу...

— Ну, я специально резину тянуть не буду.

— Специально не надо. Но и спешить не следует, понял? На это дело меньше месяца не клади.

— Понял я тебя, понял. Как успеем разобраться, так и пропустим его.

— Ну, давайте. Пока.

— Пока.

— Вот жук, Ситнов. Подсказал, значит, Мигулину: что это, мол, Колесник свою докторскую у ведущих в этой области наших специалистов калининградских не доложил. Пусть там сначала выступит. Не думаю, чтобы Мигулин до этого сам додумался, а Ситнов

у него сейчас в советниках по таким вопросам как учёный секретарь спецсовета.

— А буквально через полчаса позвонил сам Колесник. Говорил он с еле сдерживаемым раздражением.

— Слушай, меня Мигулин к вам направил с диссертацией, не выпустил на секцию.

— Да? Ну что же, приезжай, доложишь. Только сначала диссертацию пришли, чтобы мы её прочитали.

— Ладно. Только скажи мне откровенно, зачем тебе это нужно?

— Что - это?

— Чтобы я к вам ехал выступать. Неужели ты моих работ не знаешь?

— Ну, диссертацию-то я не видел. А тебе что, самому не хочется что ли у нас работу обсудить? Где ж её тогда обсуждать? Вроде бы мы к тебе ближе всех, почти теми же самыми вопросами занимаемся, только по-другому их решаем.

— Ты бы мне раньше тогда сообщил, что хотите меня послушать. Мне в Японию нужно на полгода уезжать, и я хотел до отъезда диссертацию в совет представить, а ты меня тормозишь.

— Так я сам неделю назад только узнал, что ты уже на секцию с диссертацией выходишь.

— И начал возмущаться, что я к тебе на поклон не явился? Мне тут рассказали в ИЗМИРАНе об этом.

— Ничего подобного, просто высказывал сожаление, что не могу тебя послушать, и удивление, что ты сам не захотел приехать выступить у нас. В конце концов эти вопросы Мигулин решает, а я с ним не виделся в тот раз. Да и чего теперь об этом говорить. Приезжай.

— Ну, и сколько вам времени нужно, чтобы диссертацию прочесть?

— Думаю, за две недели разберёмся.

— Ну, ладно. Это ещё по-божески. Я позвоню перед тем, как ехать к вам.

— Звони.

— И мы распрощались.

— Ну, Ситнов! Ведь это наверняка он же Колеснику наплёл, что возмущённый Намгаладзе потребовал от Мигулина, дабы тот направил работу Колесника на рецензирование в Калининград.

— Так или иначе, но Толе пришлось переслать нам с оказией (Латышев привёз) диссертацию, и я сразу по её получении назначил ему срок выступления у нас - ровно через две недели.

— Изучал его диссертацию я очень тщательно и почти всю законспектировал для себя, отдельные разделы помимо меня изучали Ваня, Клименко и Кореньков. Резюме наше было такое - по объёму, сложности и общему уровню это докторская диссертация и к защите рекомендовать её можно, хотя и слабых мест в работе предостаточно. В термосферной части Ваня даже просто нашёл две существенные ошибки в физической постановке задачи. Результаты заключительной главы обобщающего характера, то есть относящиеся к основным результатам диссертации, не опубликованы, что в принципе воспрещается правилами ВАК, и изложены весьма поверхностно.

— Вообще во многих скользких местах работы заметны попытки затушевать слабости, недочёты, некорректности, выдать желаемое за действительное. Это отразилось и в претенциозном названии, не отвечающем, конечно, фактическому содержанию работы. Всё это портило впечатление, чувствовалась спешка, незавершённость, надоело доводить до ума, скорей бы защититься. Но задачи были решены сложные, новизна, безусловно, имелась, и уж во всяком случае работа по своему уровню была не ниже работ Хазанова, Михайлова или Коена. Выступать против неё в целом не было оснований, к огорчению Юдович.

— На день семинара, когда должен был выступать Колесник, у нас были взяты билеты на вечерний сеанс в сауну. В эту зиму мы стали ходить туда довольно регулярно раза по

два в месяц, заранее закупая билеты на компанию из шести человек. Главными энтузиастами были Коля Нацвалян, Кореньков и я, непременно членом стал Ваня Карпов, а ещё двумя были то два Сергея - Лебле и Кшевецкий, то Лёнька Захаров и Смертин, или Шагимуратов. Ходили без спиртного, только с пивом и то понемногу, укрепляли здоровье.

— Колесник к назначенному сроку опоздал и пришлось вести его в сауну до семинара, который перенесли на следующий день. После сауны я пригласил Колесника и Коренькова к себе в гости, где за бутылкой мы начали разбор Толиной диссертации, а продолжили и закончили его уже на следующий день на семинаре.

— Народу было много, особенно университетских, со всех трёх кафедр - Корнеева, Латышева и Никитина. Даже Галина Сергеевна Соколова откуда-то вынырнула, как в былые гострёмовские времена, только что самого Гострема не было. Терзали Колесника долго, не зря разбирались. Я заготовил от себя отзыв в качестве проекта развёрнутого решения семинара и в конце дискуссии зачитал и прокомментировал его.

— Отзыв в целом был положительным - рекомендовать к защите, но некоторые места в замечаниях по поводу недостатков звучали довольно резко. Колесник просил их смягчить, я согласился, и после семинара мы с ним вместе подредактировали мой отзыв. Не стал я настаивать и на смене названия, что предлагал на семинаре: тут Колесник совсем уж испугался - это надо столько бумажек переделывать!

— После семинара Колесник пригласил меня и Коренькова к нему в номер и спросил, не будем ли мы возражать, если он пригласит ещё и Латышева. Мы, естественно, не возражали, но придти обещали попозже, после работы.

— Когда пришли, у Колесника сидели в табачном дыму Латышев и Медведев, они пили вторую бутылку, и Медведев был совсем уже пьян. Похоже, он спивался, заметно было и на семинаре утром, что он с похмелья. Медведев всё бормотал про свою диссертацию, что хочет у нас выступить, но боится нас. Мы с Кореньковым обещали ему, что кусаться не будем, отнесёмся доброжелательно.

— Костя, тоже заметно захмелевший уже, спросил:

— А что, Саня, правда, что мимо тебя теперь ни с одной диссертацией по моделированию пройти нельзя будет, в ИЗМИРАНе по крайней мере?

— С чего ты взял?

— Ну как же - главный специалист! Вон хоть и с Толей как получилось. Ты ж его притормозил...

— Это Ситнов тебе наговорил, что я возмущаюсь? - обратился я к Толе.

— Сказали люди, я обещал не говорить - кто.

— А ты что - до сих пор жалеешь, что пришлось у нас выступить? Считаешь, что зря время потерял?

— Нет, что вы, ребята. Я очень доволен. Обсуждение было очень квалифицированным и полезным. Банька не хуже той сауны. А тогда, по телефону когда говорили, меня досада от неожиданности разобрала. Думал, всё - прошёл уже секцию, ан нет! Решил, что это мне Намгаладзе за дружбу с Марсом мстит.

— Ну, в какой-то степени и это сыграло свою роль - подогрело мой интерес к твоей работе, тем более, что ты её от нас вроде как прячешь.

— А помните, ребята, Иркутск, 1972-й год, когда мы познакомились? - произнёс лирически Костя. - Только начинали тогда. Сколько воды утекло!

— И как мы переменились!

— Да уж.

— В разгар пьянки я смылся, оставив Коренькова дискутировать с каким-то кавказцем, соседом Колесника по номеру, пришедшему ночевать. Костя, прощаясь, уверял, что он по-прежнему меня любит и желает сотрудничать с нами.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)